

ОЛИМП

КНИГА 2

ПРОБУЖДЕНИЕ

ДЖИМ ФОСТЕР

Джим Фостер

Олимп. Книга 2. Пробуждение.

<https://litres.ru/74532504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война между двумя могущественными цивилизациями длится слишком долго. Технологии уже не гарантируют победу, а цена каждого нового сражения становится всё выше.

Когда привычный порядок рушится, даже самые надёжные решения оказываются под вопросом. Героям предстоит столкнуться с тайнами прошлого, испытать пределы верности и сделать выбор там, где приказ уже не отличить от предательства.

В далёком мире, полном скрытых угроз и древних секретов, начинается операция, от которой зависит судьба многих. Но чем ближе герои подходят к разгадке, тем яснее становится: настоящая опасность может скрываться не только по ту сторону фронта.

Книга 2 цикла «Олимп» — масштабная научно-фантастическая история о войне, долге, власти и цене решений, которые способны изменить будущее целых миров.

Содержание

Пролог. Пленные.	4
Глава 3. Первое столкновение.	54
Глава 4. Сбой в глубине	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джим Фостер

Олимп. Книга 2.

Пробуждение.

Пролог. Пленные.

Война длилась слишком долго.

У титанов было больше живой силы, больше ярости и больше готовности заливать чужие миры собственной массой. У аварийцев — флот, расчёт, дальние системы наведения, автономные контуры, оружие, которое било точнее и дальше, чем противник успевал понять, откуда пришёл удар.

На первых этапах этого хватало.

Титаны прорывались на отдалённые ресурсные планеты, брали числом, давили фронт, теряли сотни и тысячи, но всё равно шли вперёд. Аварийцы отвечали точностью, орбитальным превосходством, выучкой и огневой дисциплиной. Они сжигали ударные волны ещё на подлёте, вырезали тыловые узлы, сбрасывали целые армейские скопления в пепел.

Но война не закончилась.

Потому что у титанов было то, чего нельзя было добить одним точным залпом, — масса.

Они теряли столько, сколько для аварийцев уже было бы

неприемлемо. И всё равно возвращались. На другой орбите. В другом секторе. Через месяц. Через неделю. Иногда через сутки.

Аварийцы воевали технологиями.

Титаны — количеством.

И очень скоро стало ясно: превосходство в качестве ещё не означает победу, если противник готов превращать численность в оружие.

Фронт растянулся по дальним мирам. Конвои горели на выходе из коридоров. Добывающие станции исчезали быстрее, чем на их месте успевали развернуть новые. Целые сектора переходили из рук в руки так часто, что карты не успевали устаревать — они устаревали в момент появления.

Аварийцы выигрывали бои.

Титаны не давали выиграть войну.

Чем дольше это продолжалось, тем отчётливее проступала другая правда: ресурсы тоже не бесконечны. Даже у тех, кто привык считать себя сильнее.

Каждая уничтоженная эскадра требовала замены. Каждый автономный контур — нового ядра. Каждый закрытый мир, который удавалось удержать, стоил слишком дорого, чтобы это называлось победой.

Совет продолжал говорить о контролируемой ситуации. Военные — о тактическом превосходстве. Архивы уже начинали называть происходящее иначе.

Кровавый тупик.

Именно в этот тупик Дарион смотрел без иллюзий.

Он был ещё слишком молод для того уровня влияния, который начал получать, и достаточно опасен, чтобы часть старших командующих замечала это с растущим раздражением. Он не говорил громко. Не спорил ради жеста. Не искал славы на открытых советах.

Но слишком быстро видел то, на что другие тратили месяцы согласований.

Войну нельзя было выиграть привычным способом.

Не потому, что аварийцы уступали.

Потому что титаны соглашались платить большую цену.

Значит, нужно было найти цену, которую они платить не согласятся.

Эту мысль Дарион никому не озвучивал вслух до тех пор, пока не превратил её в план.

Он изучал не только боевые сводки, потери, маршруты и сигнатуры ударных групп. Он поднимал старые массивы по структуре титанов, по их внутренней иерархии, по тому, что в аварийской военной аналитике обычно считали вторичным.

Родовые связи.

Линии наследования.

Степень подчинения не командованию, а крови.

Для большинства в штабах это было почти архаикой.

Для Дариона — возможным слабым местом.

Верховный владыка титанов не ценил свои армии так, как

аварийцы ценили свои. Для него потери были продолжением воли. Масса рождала новую массу. Погибшие становились только цифрой на пути к цели.

Но при всём этом у него были сыновья.

Не полевые вожаки. Не очередные носители силы.

Наследники.

Два центра будущего, на которых держалась не только личная власть владыки, но и сама преемственность титанов как военной линии.

Дарион увидел это раньше других.

Если флот не может принудить противника к миру, если истощение не даёт результата, если численность титанов превращает любой фронт в мясорубку, значит, нужен рычаг, который бьёт не по армии.

По крови.

Операцию не выносили на открытый уровень. О ней знали немногие. Даже в верхнем контуре её проводили как многоступенчатую разведку с правом локального удара, не больше.

Формулировки были сухими и почти пустыми.

Два офицера, которых Дарион выбрал лично, знали только, что целью операции станут два особо важных титанических объекта. Они не знали их имён, происхождения и настоящего значения. Для всех остальных операция оставалась обычной попыткой захватить стратегически ценных пленников.

Полную правду Дарион оставил у себя.

Задача звучала просто и почти безумно:

не уничтожить.

Захватить.

Живыми.

Сыновья владыки не появлялись на передней линии без сопровождения, но и не прятались в глубине имперского тыла. В их природе, как и в природе всей расы титанов, было презрение к осторожности, если осторожность начинала напоминать страх.

Они вели ударные колонны, лично выходили на взлом обороны, сопровождали захват крупных ресурсных узлов. Их появление усиливало натиск на целых направлениях. Там, где они входили в бой, титаны дрались не просто яростнее.

Они дрались как одержимые.

Именно это Дарион и использовал.

Он выбрал мир на дальнем краю истощённого сектора — холодную, почти полностью выработанную планету, которая уже не стоила той крови, что за неё продолжали лить.

Формально аварийцы собирались выводить оттуда остатки тяжёлого ядра и архивные блоки навигации. Настолько явная потеря, что титаны должны были попытаться превратить её в унижение.

Конвой был настоящим.

Слабость — нет.

Под внешней линией отхода Дарион спрятал сеть глу-

шения, орбитальный капкан, импульсные узлы подавления биоструктур, ложные сигнатуры отступающего флота и два скрытых борта, не отмеченных ни в одном общем массиве.

Он рассчитывал не на силу.

На психологию.

Сыновья владыки не станут ждать, пока обычные ударные группы завершат захват. Они придут сами, чтобы забрать победу из рук отступающего противника. Чтобы увидеть, как аварийцы бегут.

Чтобы почувствовать вкус унижения врага лично.

Дарион не говорил этого даже своим ближайшим офицерам.

Он просто расставил фигуры.

Когда первые титанические волны вошли в верхний слой атмосферы, всё выглядело так, как рассчитывал Дарион. Передовые группы аварийцев отступали неровно, будто потеряли координацию. Орбитальная сеть отвечала с задержкой. Два транспортных узла начали аварийное снижение к горным районам.

Титаны бросились на добивание.

Через шесть минут были подтверждены две сигнатуры высшего ранга.

— Подтверждение? — спросил Дарион.

— Обе цели в зоне.

На главном экране две массивные фигуры двигались через распадающийся боевой рисунок. Старший был быстрее.

Младший — тяжелее. Оба были уверены, что видят разгромленного противника.

— Ждём, — сказал Дарион.

Они вошли глубже.

Ещё.

Ещё.

— Сейчас.

Мир под ними вспыхнул сразу в нескольких слоях.

Горный массив ожил сетью скрытых разрядников. Над ущельем сомкнулся импульсный купол. В землю ушли контуры подавления. Ложный конвой исчез с экранов, уступив место заранее развёрнутым штурмовым платформам.

Орбитальный импульс ударил вниз не на уничтожение, а точно по внешним группам, отрезая их от центра ловушки.

Титанические ударные отряды сгорели первыми.

Сыновья владыки остались живы.

Старший попытался пробить купол. Младший рванул к наземным узлам подавления. Первая линия аварийцев рухнула почти сразу, вторая продержалась чуть дольше. Дроиды разлетались в металлических обломках, аварийцы гибли под ударами, а защитные контуры гасли один за другим.

— Левый контур падает!

— Держать.

— Они выходят из центра!

— Держать.

Старший почти прорвался к склону.

— Обрушить сектор семь, — приказал Дарион.

Оператор резко повернулся:

— Там наши.

— Я знаю.

Кусок горного кармана ушёл вниз вместе с частью собственных штурмовых звеньев. Старшего титана накрыло породой и вторичным импульсом. Младший попытался прорваться к нему и попал под замыкающий контур.

Через двадцать семь минут после замыкания ловушки оба наследника владыки титанов были живы, обездвижены и заключены в капсулы глубокой изоляции.

В отсеке стало тихо.

Один из офицеров выдохнул:

— Если владыка узнает...

— Он узнает, — сказал Дарион.

Он уже открывал канал сверхдальней связи.

Когда верховный владыка титанов вышел на связь, изображение не передавало его полностью. Только фрагменты силуэта, тяжесть взгляда, неестественную плотность присутствия, от которой даже через экран менялся воздух в отсеке.

Он ещё не знал.

Но уже чувствовал.

— Авариец, — произнёс он.

Не имя. Не звание.

Факт.

Дарион стоял перед экраном один. Так он распорядился

сам.

Никаких советников. Никаких свидетелей сверх необходимого.

Это был не разговор двух государств.

Это был удар, который он хотел нанести лично.

— Ваши сыновья у меня, — сказал Дарион.

Даже связь на мгновение стала тише.

Потом на соседний экран ушло подтверждение: две капсулы, два живых биоконтурных сигнала, две печати изоляции.

Владыка не двигался.

И именно поэтому опасность от него ощущалась сильнее.

— Если это ложь, — сказал он, — я сожгу не только ваши миры.

— Это не ложь.

Дарион выдержал паузу.

— С этого момента вы прекращаете наступление на всех дальних направлениях. Отзываете флоты. Замораживаете активную фазу войны. Любая попытка прорыва, удара, диверсии или поиска приведёт к тому, что условия содержания ваших сыновей изменятся.

Владыка титанов долго смотрел на него.

Слишком долго для обычного расчёта.

Потому что здесь в ход шла не тактика.

Кровь.

Дарион знал, что был прав. Владыка мог жертвовать ар-

миями. Мог засыпать чужие миры мёртвыми телами своих же бойцов. Мог тянуть войну ещё годы, превращая целые системы в выжженный спор на истощение.

Но не здесь.

Не в этом вопросе.

Не тогда, когда на экране перед ним были его сыновья.

— Они останутся живы, — сказал владыка наконец.

Не вопрос.

Условие, от которого он сам зависел не меньше, чем аварийцы от его ответа.

— Если вы выполните соглашение, — ответил Дарион, — да.

Владыка сделал едва заметное движение.

Для другого существа оно прошло бы как тень. Для него это было почти признанием удара.

— Ты понимаешь, что сделал?

— Да.

Дарион не просто принудил противника к отступлению.

Он нашёл предел, в который не пробивалась никакая артиллерия.

Кровные узы.

То, чего не могли дать технологии. То, чего не смогло добиться истощение. То, против чего оказался бессилён даже тот, кто привык мерить войну массой.

Связь оборвалась не сразу.

Сначала пришли подтверждения с трёх дальних направ-

лений. Потом с шести. Потом из сектора, который считали потерянным ещё до начала операции.

Титанические ударные группы отходили.

Неравномерно. Неохотно. Но отходили.

Фронт не рухнул.

Он замер.

Впервые за очень долгое время.

Победа не звучала громко. Она шла по закрытым каналам, в сухих сводках, в перераспределении маршрутов, в новых указах Совета, который поспешил назвать случившееся триумфом стратегического мышления и сдержанной силы.

Дарион не стал их поправлять.

Он знал правду лучше.

Это не была победа силы.

Это была победа понимания того, где у врага начинается боль, которую он не готов принять.

Через семь часов после контакта Дарион получил новый приказ.

Не возвращаться на Аварис.

Сопроводить груз особой важности на Землю.

Маршрут был разбит на закрытые сегменты. Список допущенных лиц — минимален. Название операции исчезло из общего оборота ещё до того, как последние титанические сигнатуры покинули дальний сектор.

Когда корабль вошёл в орбитальную тень Земли, Дарион впервые увидел планету не как точку в архиве, а как место,

которому зачем-то доверили слишком многое.

Молодой мир.

Тихий.

Почти пустой.

Не похожий на хранилище последствий большой войны.

Под облачным покровом скрывался комплекс, о котором не должны были знать даже многие из тех, кто принимал решения наверху. Глубокие уровни, изоляционные шахты, автономные контуры, старые каменные толщи, способные пережить удар, который уничтожил бы обычную базу целиком.

Именно туда везли сыновей владыки титанов.

Не как обычных пленных войны.

Как тайну, которую нельзя было доверить даже большинству тех, кто отдавал приказы.

Дарион смотрел на тёмный экран биокапсул, на которых мерцали две стабильные линии жизни, и понимал: отныне только он знал, кто находится внутри.

Не охрана.

Не технический персонал.

Не командование базы.

Только он.

Корабль начал снижение.

Под ним ждала Земля.

А глубже, чем камень и металл, — секрет, который однажды может вернуться за всеми, кто решил, что его можно удерживать вечно.

Глава 1. Земля

Земля не была похожа на мир, которому когда-либо позволяли стать центром.

С орбиты она казалась слишком мягкой для этого. Слишком живой. Слишком ещё не подчинённой до конца.

Под облачными слоями мерцали океаны, медленно разворачивались континенты, в тени гор лежали тёмные массивы лесов, а на ночной стороне редкие огни аварийских проектных узлов тонули в такой глубокой естественной темноте, какую на Аварисе уже давно почти не помнили.

Элара смотрела на планету через обзорный экран спускаемого борта и молчала.

За её спиной шёл последний этап входа в атмосферный коридор: короткие служебные сигналы, перестройка теплового контура, голоса экипажа по внутреннему каналу.

Всё было ровно, штатно, без сбоев.

Но именно эта выверенная штатность и раздражала её сильнее всего с момента получения назначения.

Слишком многое уже было решено без неё.

Маршрут.

Состав группы.

Степень допуска.

Структура базы.

Военный контур сопровождения.

Даже предварительная компоновка лабораторных блоков.

Ей оставили главное — сам проект.

И это следовало считать знаком доверия.

На Аварисе любили называть такое доверием, когда хотели не обсуждать цену, которую за него придётся заплатить.

— Вход в нижний слой через четыре минуты, — сообщил пилот.

Элара не ответила.

Она продолжала смотреть на Землю.

Этот мир выбрали не за красоту. Не за ресурсы. И уж точно не за политический вес — никакого веса у него не было.

На общем фоне цивилизации Авариса Земля оставалась далёкой, молодой и почти пустой планетой, ещё не встроеной в большую систему настолько глубоко, чтобы за неё стоило всерьёз бороться.

Именно это и делало её идеальной.

Удалённость.

Изоляция.

Биологическое разнообразие.

Управляемый масштаб.

И ещё одно: на Земле не было цивилизации, которую пришлось бы учитывать или вытеснять.

До прибытия аварийцев здесь не существовало разумной жизни.

Земля была живым миром. На ней были океаны, леса, животные, сложные экосистемы и миллионы лет естественного развития. Однако разумную популяцию предстояло создать

здесь с нуля.

Формально проект, который ей доверили, проходил как программа создания и адаптации новой человеческой популяции: генетические линии, развёртывание начальной модели, наблюдение за развитием поведения и реакцией на среду.

Но под официальным пакетом лежал второй.

Закрытый.

Новая система обороны.

Не очередная улучшенная версия старых аварийских контуров, а принципиально иной подход: сеть, способная обучаться в процессе, менять рисунок реагирования и брать под управление разрозненные боевые единицы быстрее, чем это успевало сделать обычное командование.

Элара уже давно считала, что будущая оборона не может строиться только на заранее заданных схемах. Среда меняется, противник меняется, сама угроза меняет форму. Значит, система должна уметь перестраиваться раньше, чем угроза закрепится.

Совету эта идея нравилась ровно до тех пор, пока звучала абстрактно.

Потом начались обычные возражения: слишком высокий уровень автономии, слишком много поведенческой непредсказуемости, слишком сильная зависимость от среды.

Элара выслушала всё это ещё на Аварисе и почти не спорила. Военные охотнее доверяют новому оружию, чем новому способу мышления.

И всё же проект утвердили.

Потому что у мира, пережившего войну на истощение, было слишком мало причин отказываться от шанса больше не воевать тем же способом.

Первая большая война с титанами многому научила Аварис. В первую очередь тому, чего не может решить даже технологическое превосходство, если противник готов превращать численность в стратегию.

Старые системы обороны были точны, мощны и эффективны — пока война шла по моделям, под которые их создавали.

Но титаны не просто шли массой.

Они давили плотностью присутствия, истощением, непрерывностью натиска. Там, где аварийские контуры искали оптимальный ответ, титаны меняли рисунок удара самой своей тяжестью.

Элара думала об этом давно.

Если невозможно заранее просчитать все формы угрозы, значит, сама система должна научиться меняться быстрее, чем угроза.

Корабль вошёл в облака.

Земля исчезла за молочно-белой толщей. Корпус чуть заметно дрогнул, перестраивая угол снижения.

На внутреннем экране вспыхнула схема посадочного комплекса.

База располагалась в северном полушарии, в удалённом

районе, где горные массивы и естественные климатические разрывы делали большую часть подходов неудобными даже для собственных маршрутов.

Официальное объяснение было таким же логичным, как и всё остальное: защищённость, удалённость, удобный для многослойной инфраструктуры рельеф.

Эларе это объяснение не нравилось.

Слишком хорошо продуманная изоляция редко строится только ради удобства науки.

— Посадка через девяносто секунд, — сообщил пилот.

Она наконец отвернулась от экрана и проверила закреплённый на запястье информационный модуль.

Основная схема проекта.

Список старших специалистов.

Климатические зоны.

Сеть наземных лабораторных секторов.

Генетические массивы.

Этапы развёртывания первой человеческой популяции.

Закрытые контуры, доступ к которым ей обещали открыть после прибытия.

Обещали.

Элара слишком давно работала с верхними уровнями, чтобы доверять обещаниям без уточнений.

Посадка прошла жёстче, чем она ожидала. Не аварийно — просто с той военной точностью, которая всегда чувствуется даже в идеально выполненном манёвре.

Тормозные поля схлопнулись, корпус окончательно сел, и на несколько секунд в кабине стало тихо.

Потом открылись внутренние крепления.

— Добро пожаловать на Землю, — сказал кто-то из экипажа.

Элара поднялась первой.

Посадочный отсек оказался встроен в скальный массив так глубоко, что небо было видно только в верхнем проёме защитного купола.

Свет падал сверху холодными полосами.

По нижним платформам уже шло движение: техники, грузовые дроиды, охранные звенья, транспортные тележки с контейнерами, группы проектного персонала, прибывшие раньше неё.

Всё работало с той отлаженной скоростью, которая появляется только там, где стройка началась не вчера.

Элара остановилась на краю платформы и медленно огляделась.

Первое впечатление было двойственным.

С одной стороны — новая база. Чистые поверхности. Ещё слишком свежие монтажные швы. Разгрузочные ярусы, пахнущие недавно нагретым металлом. Проектные маркировки, нанесённые недавно и поверх другого слоя.

С другой — слишком многое здесь казалось старше самой базы.

Глубина шахт.

Ширина несущих коридоров.

Старая порода вокруг вырезанных уровней.

Непропорционально мощные энергетические магистрали, уходящие вниз, дальше тех секторов, что были обозначены в открытой схеме.

Она заметила это почти сразу.

И запомнила.

К ней уже шёл начальник наземного развёртывания — высокий, сухой авариец по имени Лиор, которого она знала ещё по столичным проектным комиссиям.

Умный, аккуратный, слишком осторожный в формулировках.

— Элара, — сказал он с вежливым наклоном головы. — Рад, что вы добрались без задержек.

— Как вижу, вы здесь не скучали и без меня.

Лиор позволил себе короткую усталую улыбку.

— Нам оставили слишком много работы, чтобы успеть соскучиться.

— И слишком много готовых решений, — добавила она.

Он не ответил сразу.

Хороший знак. Значит, услышал именно то, что она вложила в слова.

— Часть инфраструктуры была заложена заранее, — сказал он наконец. — Это должно было сэкономить нам время.

— Чьё решение?

— Военно-логистического контура.

Это было не ответом.

Это было той формой не-ответа, которую в последние годы на Аварисе научились использовать слишком хорошо.

Элара ещё раз посмотрела на дальнюю стену посадочного уровня, где под новой облицовкой угадывались старые геометрии породы и металла.

— И насколько глубоко здесь это «заранее»? — спросила она.

Лиор чуть помедлил.

— Всё, что относится к вашему проекту, находится в утверждённых пределах.

Теперь уже Элара едва заметно улыбнулась.

— Ясно. Значит, глубже есть что-то ещё.

На этот раз он промолчал.

Молчание тоже бывает ответом.

Её провели через центральный переход к основным лабораторным ярусам.

По дороге Лиор докладывал структуру развёртывания, и чем дальше они шли, тем сильнее Элара чувствовала, как в ней сталкиваются два противоположных впечатления.

Проект был прекрасен.

И проект уже не принадлежал ей полностью.

Лабораторные сектора были выстроены грамотно: биомодули, климатические узлы, вычислительные центры, матри-

цы моделирования, хранилища генетических пакетов, залы поведенческого анализа, интерфейсы для удалённого наблюдения, защищённые контуры под будущие нейросетевые ядра.

Всё на своём месте.

Всё рассчитано с запасом на годы.

На десятилетия, если понадобится.

Совет не пожалел ресурсов.

Но одновременно во всём этом чувствовалась ещё одна рука.

Военная.

Слишком много шлюзов.

Слишком много ограничивающих перегородок.

Слишком плотная охрана на участках, которые не требовали такой охраны для научного объекта.

Слишком жёсткая логика маршрутов между уровнями.

Это была не просто база для создания и изучения человеческой популяции.

Её с самого начала строили так, чтобы при необходимости превратить в укреплённый узел.

Они вошли в обзорный зал центрального ядра.

Перед Эларой раскрылась главная схема проекта — многослойная, живая, уже частично заполненная активными контурами.

На одном уровне шли биологические линии.

На другом — поведенческие модели.

На третьем — архитектура самообучающейся системы, пока ещё в зачаточном виде, но уже достаточно сложная, чтобы понять: именно здесь ей предстоит провести годы.

В груди коротко и остро отозвалось то чувство, ради которого она вообще бралась за подобные вещи.

Не гордость.

Масштаб.

Тот редкий момент, когда ты видишь перед собой не отдельную задачу, а форму будущего — ещё не реализованную, ещё хрупкую, но уже существующую как возможность.

— Первую стадию мы можем начать почти сразу, — сказал Лиор. — Генетические пакеты готовы. Поведенческая сетка ждёт финальной калибровки под ваш протокол.

Элара подошла ближе к проекции.

— А оборонное ядро?

Лиор перевёл взгляд на соседний слой схемы.

— Под него подготовлен отдельный контур. Но часть доступа всё ещё на военном согласовании.

— Разумеется.

Он осторожно кивнул.

— Формально их позиция сводится к тому, что система такого уровня не должна запускаться без окончательной координации с верхним контуром.

— А неформально?

— Неформально, — сказал Лиор ещё тише, — они не до конца понимают, насколько управляемым окажется то, что

вы хотите построить.

Элара смотрела на схему.

— Управляемым будет ровно настолько, насколько они смогут отказаться от мысли, что любую сложную систему можно удержать простым приказом.

— Им это не понравится.

— Да, — сказала она спокойно. — Но война им тоже не понравилась, а она всё равно состоялась.

Это было сказано без вызова.

Почти безэмоционально.

И именно поэтому Лиор не стал спорить.

Они оба знали, что именно война и позволила этому проекту состояться.

Если бы титаническое истощение не вскрыло слабость старых моделей, никто не дал бы ей такую степень свободы. Не здесь. Не с таким уровнем автономии. Не так далеко от прямого контроля Авариса.

Элара протянула руку и вызвала поверх общей схемы слой среды.

Леса.

Горы.

Океаны.

Климатические разрывы.

Миграционные модели будущей популяции.

Земля была нужна ей не как пустая площадка.

Как живая среда.

Аварийцы слишком долго строили свои системы так, будто среда должна подчиняться архитектуре.

Элара хотела противоположного: чтобы архитектура училась у среды.

Именно поэтому человеческая популяция была не приложением к оборонной системе, а частью той же идеи. Ей нужен был разум, который развивается в изменении, а не только внутри заранее выверенного порядка.

— Я хочу лично просмотреть все нижние контуры питания, — сказала она.

Лиор замер на долю секунды.

Слишком коротко, чтобы это заметил кто-то случайный. И достаточно явно для неё.

— Нижние?

— Энергетика у базы избыточная. Для заявленной конфигурации — слишком избыточная. Я хочу видеть, как распределена нагрузка.

— Это можно подготовить позже.

— Нет, — сказала Элара. — Не позже. Сегодня.

Он отвёл взгляд.

— На часть уровней доступ пока ограничен.

— Моим проектом?

— Военным контуром.

Элара медленно повернулась к нему.

— Мне выделили планету, базу, популяционный проект и оборонное ядро нового типа. И теперь вы хотите сказать, что

в основании всего этого есть уровни, на которые я не могу спуститься?

Лиор не выглядел испуганным. Скорее измождённым человеком, которому давно не нравится собственная роль.

— Я хочу сказать, что решение принимал не я.

Это было честнее, чем всё остальное за последние полчас.

Элара ещё несколько секунд смотрела на него, потом снова перевела взгляд на схему базы.

Глубокие контуры питания уходили вниз слишком уверенно, чтобы быть просто запасом на будущее.

Там был другой объём.

Другая задача.

Другая логика.

Она не знала ещё, что именно скрывает под собой Земля.

Но уже знала точно: проект поставили не на пустое место.

С Дарионом она встретилась только через несколько часов.

К этому моменту Элара успела обойти три лабораторных яруса, дважды изменить порядок развёртывания, отправить обратно на перепроектирование часть интерфейсов поведения, заблокировать запуск одной из матриц до полной перекалибровки и окончательно испортить настройку половине местного административного контура.

Это было хорошим началом.

Встречу назначили в верхнем обзорном секторе, над внешним уступом базы, где скальный карман выходил к открытому воздуху.

За прозрачной стеной лежала земная ночь. Ни огней города, ни движения трасс — только тьма, редкие звёзды и огромная, непривычно глубокая тишина чужого мира.

Дарион уже был там.

Он стоял к ней вполоборота, и на секунду Эларе показалось, что весь этот отсек слишком мал для человека, который так уверенно занимает пространство даже молчанием.

На Аварисе он уже тогда пользовался репутацией фигуры, на которую слишком быстро начали смотреть не только как на талантливого военного.

Победитель.

Стратег.

Человек, заставивший титанов отступить.

Слишком молодой для той тяжести, которую успел набрать. Слишком заметный, чтобы его присутствие можно было считать чисто формальным.

Именно он, как сказали ей ещё в столице, настоял на том, чтобы проект Земли получил полный приоритет.

Ей это не нравилось с самого начала.

Те кто так сильно продвигают чужие идеи в военном контуре, почти никогда не бывают бескорыстны.

— Значит, вы всё-таки добрались, — сказал Дарион, когда она подошла.

Элара остановилась напротив.

— Как видите.

— И уже недовольны.

— Была бы разочарована, если бы вы ожидали иного.

На его лице мелькнуло что-то, похожее на тень усмешки.

— Я ожидал, что вы заметите избыточную энергетику раньше, чем большинство здесь успеет закончить приветствие.

— Мне нужно расценивать это как признание?

— Нет. Как уважение к вашей наблюдательности.

Элара посмотрела на него внимательнее.

В Дарионе не было той очевидной жёсткости, которой обычно прикрываются военные высокого ранга. Он не давил голосом, не двигался резко, не подчёркивал силу демонстративно.

И всё же рядом с ним почти физически ощущалось, что он привык принимать решения, за которыми идут другие.

— Тогда проявите уважение до конца, — сказала она. — Объясните, что именно находится под моей базой.

Он выдержал паузу почти без видимого усилия.

— Под вашей базой находится инфраструктура, заложенная раньше основного проекта.

— Это я уже поняла.

— И часть этой инфраструктуры не относится к вашему направлению.

— Моему направлению относится всё, что может одна-

жды повлиять на работу системы.

Дарион чуть склонил голову, будто отметил про себя точность формулировки.

— Это и есть причина, по которой проект передали вам.

— А не причина, по которой вы сейчас не отвечаете.

В этот раз он улыбнулся уже более явно.

Не тепло.

Скорее с интересом.

— Вам действительно важно знать всё в первый день?

— Да.

— Почему?

Элара повернулась к стеклу. За ним лежала чёрная, тихая Земля.

— Потому что я не создаю игрушку для Совета, — сказала она. — И не собираюсь строить систему, которой потом будут пытаться управлять, скрывая от меня половину исходных условий.

— Никто не скрывает от вас половину.

— Значит, скрывают меньше? Или больше?

Дарион посмотрел на неё так, будто в этот момент решал сразу несколько задач, и ни одна не относилась только к разговору.

— Вам предоставят всё, что нужно для проекта.

— Не люблю эту формулировку.

— Знаю.

— Тогда почему используете?

— Потому что она пока остаётся верной.

Слово «пока» повисло между ними чуть дольше, чем должно было.

Элара уловила его сразу.

Не угроза.

Не обещание.

Скорее намёк на границу, которую он не собирался открывать сразу.

И это раздражало её почти так же сильно, как интриговало.

— Вы продвигали этот проект, — сказала она. — Почему?

— Потому что Аварис больше не может позволить себе воевать только тем, что уже знает.

Это был первый полностью честный ответ за весь день.

Элара медленно повернулась к нему.

— А вы умеете говорить прямо.

— Только когда это полезно.

— И сейчас полезно?

— Да.

Он подошёл ближе к обзорной панели и взглянул на Землю.

— Мы выиграли передышку, а не решение, — сказал он.

— Все делают вид, что этого достаточно. Но следующая война не обязана идти по знакомой схеме. Если титаны вернутся иначе, старые контуры снова начнут отвечать на вчерашний вопрос.

Элара смотрела на него молча.

Он продолжил:

— Вы предлагаете систему, которая умеет учиться быстрее, чем меняется поле боя. Именно это и нужно Аварису. Не ещё один красивый контур. Новый принцип.

— Военные редко любят новые принципы.

— Верно.

— Тогда почему вы здесь?

Дарион перевёл на неё взгляд.

— Потому что иногда для победы недостаточно хорошего оружия. Нужен способ думать раньше, чем враг поймёт, что правила уже изменились.

На несколько секунд стало тихо.

Элара почувствовала это почти с раздражением: он понял слишком много. Не отдельную технологию. Саму идею.

А значит, работать рядом с ним будет либо очень легко, либо опасно.

Скорее всего — и то и другое.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Тогда начнём с простого. Я хочу полный доступ ко всем энергетическим уровням, которые питают проект.

— Не сейчас.

— Это приказ?

— Это ограничение.

— Чьё?

— Пока — моё.

Элара не отвела взгляд.

— Тогда вам придётся однажды объяснить мне, почему проект, который должен научиться адаптации, с самого начала помещён в среду, где от него скрывают исходные параметры.

— Возможно, — сказал Дарион. — Но не сегодня.

Он развернулся к выходу так спокойно, будто разговор на этом действительно завершён.

У самой двери остановился.

— Завтра утром вы получите расширенный доступ к обобщённому ядру. Этого хватит, чтобы начать.

— А если мне не хватит?

— Тогда вы сделаете то, что, как мне уже сказали, делаете лучше всего.

— И что же?

Он посмотрел на неё через плечо.

— Начнёте ломать порядок, пока он не станет пригоден для работы.

Когда дверь за ним закрылась, Элара ещё долго стояла у стекла.

Под ней лежала Земля — тёмная, тихая, почти беззащитная на вид.

Идеальный мир для начала.

Идеальный мир для тайны.

Она ещё не знала, насколько глубоко уходит эта тайна под основание базы. Не знала, почему Дарион лично следит за

проектом, который формально должен был быть лишь одной из многих послевоенных инициатив.

Но одну вещь Элара поняла в первый же день.

Землю выбрали не только потому, что здесь можно было создать будущее.

Её выбрали ещё и потому, что здесь было удобно что-то спрятать.

Глава 2. Нижние уровни

Дарион не любил спускаться вниз в сопровождении.

Не потому, что опасался нападения — в пределах нижних уровней любая угроза была давно сведена к системе, а не к случайности.

И не потому, что не доверял тем, кто имел сюда доступ.

Скорее наоборот.

Именно здесь он особенно ясно понимал цену доверия и то, как быстро оно превращается в уязвимость, если его начинают путать с привычкой.

Поэтому вниз он чаще всего ходил один.

Лифт ушёл под базу беззвучно, с той плавной точностью, которая всегда выдавала старую инженерную школу.

Аварийскую, но другую, более раннюю, чем верхние ярусы нового комплекса.

Верхняя база была современной, собранной быстро, с расчётом на развёртывание проекта, научные модули, логистику и военное сопровождение.

Нижние уровни принадлежали иному времени.

Их строили не для удобства.

Не для красоты.

И даже не для расширения.

Их строили, чтобы что-то удерживать.

Стенки шахты уходили вниз гладкими тёмными сегментами. В редких разрывах между несущими плитами мелькала старая порода — тяжёлая, сине-серая, глубоко вдавленная в металл армирующими связями.

Земля в этом месте была выбрана не случайно.

Толща скал, естественные разломы, низкая сейсмическая активность, удалённость от будущих узлов развития — всё это делало планету удобной не только для проекта Эллары.

Для тюрьмы она подходила ещё лучше.

На нижнем рубеже лифт замедлился и встал.

Перед Дарионом раскрылась короткая камера допуска.

Никаких дежурных постов в обычном смысле. Вместо них — три слоя проверки, независимых друг от друга: биометрический контур, нейросигнатурная сверка и глубокое считывание ритма внутреннего поля.

Здесь не полагались на одну защиту, если можно было наложить пять.

Он шагнул вперёд.

Холодный свет прошёл по лицу, затем по шее, грудной клетке и кистям. Внутренний модуль отозвался коротким импульсом подтверждения.

— Доступ подтверждён, — сказал безличный голос системы. — Командующий контуром нижних уровней: Дарион.

Только после этого открылась вторая дверь.

Нижние уровни встретили его привычной тишиной.

Это была не тишина пустого места.

И не тишина заброшенности.

Напротив — здесь работало слишком многое, чтобы воздух мог считаться по-настоящему неподвижным. Энергетические узлы держали поле в постоянном напряжении. Подавляющие решётки непрерывно меняли частоты. В глубине шли циклы охлаждения. Каналы рециркуляции тянули через старые коридоры сухой, очищенный воздух.

Где-то дальше, за несколькими гермопереборками, работали охранные контуры и автономные платформы.

Но всё это было собрано так, чтобы не производить звука.

Чтобы сама структура места внушала одну мысль:

здесь ничто не должно выйти наружу.

Ни тело.

Ни сигнал.

Ни воля.

Дарион шёл по главному коридору, и свет загорался перед ним секциями — тусклый, холодный, почти бесцветный.

В верхней базе всё было рассчитано на жизнь: маршруты, удобные переходы, широкие сектора, в которые естественно встраивались движение, разговор, мысль о будущем.

Здесь архитектура служила противоположной задаче.

Сужала.

Давила.

Отсекала всё лишнее.

Даже шаг начинал звучать иначе — не как движение человека через пространство, а как подтверждение того, что пространство дозволило ему пройти.

Первый контрольный пост был пуст визуально, но не фактически.

Как только Дарион вошёл в сектор, по стенам прошла сетка едва заметного свечения: скрытые сканеры считали его биоритм, убедились в отсутствии посторонних сигнатур и только после этого сняли локальную блокировку.

Начальник дежурной смены ждал его уже за поворотом.

— Командующий.

— Доклад.

Офицер протянул ему консольный модуль. Никаких приветствий сверх необходимого. Внизу не поощряли ни лишних слов, ни интонаций, которые могли бы сделать службу похожей на обычную.

Дарион пробежал взглядом массив.

Общий статус — стабилен.

Подавляющее поле — в норме.

Биосигнатурные пики — в пределах допустимого коридора.

Попыток синхронизации между Объектами 01 и 02 — три, все пресечены.

Внешних утечек — нет.

Нарушений внутреннего контура — нет.

— Попытки синхронизации, — сказал Дарион. — Когда?

— Две в третьем цикле, одна в шестом. Краткие всплески. Объекты снова пытались выстроить общий ритм через несущую решётку.

Дарион отдал модуль обратно.

— Подавление усилили?

— Да. Частоты сместили, вторичный контур вывели на упреждение. После этого активность упала.

— Упала — не значит исчезла.

— Нет, командующий.

Он ничего не добавил, и офицер тоже замолчал.

Именно это Дарион ценил в тех, кто работал здесь долго. Они переставали думать о заключённых как о телах, запертых в глубине планеты.

Очень быстро становилось ясно, что главная опасность исходит не от физической силы как таковой.

Сила была страшна, но предсказуема.

Намного хуже было другое — сама природа титанической связи.

Даже изолированные, даже подавленные, даже разведённые по отдельным камерам на достаточное расстояние, объекты продолжали искать друг друга.

Не словами.

Не сигналом в привычном смысле.

Ритмом.

Именно поэтому тюрьму невозможно было построить как обычный карцер. Здесь мало было стен, замков и тяжёлых переборок.

Заключённых держали не только отдельно — их держали в разных моделях времени отклика, в разных частотных средах, в разной температуре контуров, в разной плотности магнитного фона.

Всё, что могло стать основой для устойчивого взаимного узнавания, ломали и смещали.

Объекты не должны были чувствовать друг друга как непрерывность.

Тем более — внешний мир.

Дарион двинулся дальше.

Второй сектор был сердцем подавления. Здесь за толстыми прозрачными перегородками работали узлы, которые верхний контур предпочитал не упоминать даже в самых закрытых сводках.

Энергетические цилиндры шли в глубину на несколько уровней вниз. Их внутренние поля пульсировали медленно и тяжело, а над всем этим проходила сеть стабилизаторов, следивших за тем, чтобы ни одна частота не совпала с естественным ритмом заключённых дольше допустимого.

— Биосигнатурная картина? — спросил Дарион у оператора узла.

— Объект 01 — подавлен устойчиво. Объект 02 — выше

по амплитуде, но в пределах нормы. Компенсация держит.

— Канал наружного резонанса?

— Пуст. Как и было.

Он остановился перед главным экраном сектора.

На схеме тюрьма выглядела как сложная сеть кругов, вложенных друг в друга, но это была ложь удобного масштаба.

В реальности всё здесь строилось не концентрически, а по принципу разрыва.

Не допустить линии.

Не дать резонансу пройти.

Не оставить ни одного естественного моста между камерой и камерой, между заключённым и системой, между внутренним ритмом и внешней средой.

Когда-то, в первые месяцы после доставки объектов, многие наверху думали, что главной задачей будет удержать их телесно.

Они ошибались.

Главной задачей было удержать их от присутствия.

Титан такого уровня никогда не переставал давить на мир вокруг собой. Даже в обездвиженности. Даже под полем. Даже без движения.

Их биополе не просто существовало — оно пыталось занять пространство, навязать ему собственную форму, заставить окружающее подстроиться.

Если это не ломать непрерывно, если дать хотя бы короткий свободный коридор, объект начинал «дотягиваться»

дальше своей камеры.

Не руками.

Сущностью.

Именно поэтому Землю и выбрали.

Не только за удалённость. За тишину. За минимальный фон. За отсутствие рядом крупных аварийских массивов, через которые титанический резонанс мог бы однажды попробовать пройти как по струне.

— Выводите картину по внешним экранам, — сказал Дарион.

На одном из вертикальных дисплеев развернулась схема верхних уровней.

Новая база.

Научные сектора.

Лабораторные модули.

Развёртывание проекта.

Маршруты персонала.

Над этим — дополнительный слой маскировки, перекрывающий любые попытки связать верхнюю конфигурацию с тем, что лежало внизу.

Это был отдельный приказ.

Элара не должна была знать, что находится под ней.

Формально аргументация выглядела безупречно: ограничение допуска по линии стратегической безопасности, разделение критических проектов, снижение риска утечки, исключение пересечения научного и сверхсекретного конту-

ров.

В послевоенное время такое решение можно было представить как разумную административную логику.

Но Дарион знал, что за формулировками стояло и другое. Страх.

Не перед Эларой как таковой.

Перед непредсказуемостью знания.

Если она узнает о пленниках, её проект перестанет быть просто проектом. Он немедленно встанет в новый контекст. Любая система, способная учиться, в мире, где под ней держат настолько опасных титанических существ, уже не будет восприниматься как нейтральная технология.

Начнутся вопросы.

Для чего на самом деле строится база?

Какой именно угрозы бояться наверху?

Что будет, если тюрьма однажды даст сбой?

И главное — кто решает, какую правду знать тем, кто создаёт будущее Авариса?

Совет не хотел этих вопросов.

Дарион тоже не хотел, чтобы они прозвучали раньше времени.

Не потому, что уже видел в проекте инструмент личной власти.

Он действительно считал систему Элары необходимой для будущей обороны Авариса. И понимал: если тайна нижних уровней станет известна слишком рано, Совет может за-

морозить сразу оба проекта — и тюрьму, и адаптивное ядро.

Тогда Земля окажется не защищённым научным объектом, а бесконтрольным узлом с двумя несовместимыми системами внутри.

Этого он допустить не мог.

Он всмотрелся в линии верхней схемы.

Её проект был живой уже сейчас, хотя ещё не вышел из ранней стадии. Даже по тем кратким сводкам, что он успел получить после её прибытия, это чувствовалось слишком ясно: Элара не просто приняла базу, а сразу начала ломать в ней всё, что мешало будущей системе дышать так, как она задумала.

Остановила часть модулей.

Переназначила конфигурации.

Потребовала доступ к нижней энергетике в первый же день.

Развернула проверку средовых массивов раньше графика.

И при этом смотрела на общую задачу не как на набор параллельных процессов, а как на единый организм.

Это было редкостью.

Большинство хороших руководителей видели проект.

Элара видела форму мира, который этот проект однажды создаст.

Дарион понял это ещё на Аварисе, когда впервые начал читать её закрытые доклады о самообучающемся оборонном контуре.

Тогда в них его заинтересовала не сама технология. Военная система умеет быстро находить ценность в новой машине, если чувствует в ней преимущество.

Его зацепило другое: она предлагала не усиление старой модели, а отказ от неё.

Не ещё более мощный контур.

Не более дальнюю платформу.

Не быстрее считающий алгоритм.

Новый принцип.

Если поле боя меняется быстрее, чем командование успевает на него ответить, значит, сам ответ должен научиться меняться в моменте.

Не после приказа.

Не после совета.

Не после сверки допусков.

Сразу.

Такая логика пугала верхние уровни именно потому, что была правильной.

После войны с титанами это понимали все, но лишь единицы были готовы произнести вслух.

Аварийцы гордились тем, что воюют разумом, точностью и технологией. И именно поэтому им особенно трудно было признать, что разум тоже может опоздать, если построен слишком жёстко.

Титаны давили массой.

Аварийцы отвечали структурой.

Но любая структура однажды становится хрупкой, если против неё слишком долго бьют избыточной тяжестью.

Элара видела способ это изменить.

И потому её проект был важнее, чем большинство реформ, о которых спорили на Аварисе.

— Командующий, — сказал начальник смены, подходя ближе. — Есть ещё один вопрос по верхнему контуру.

— Говорите.

— Научный руководитель запросила полную схему энергомагистралей, включая перерасход на нижних линиях. Запрос пока удержан административно, но если она продолжит...

— Продолжит, — сказал Дарион.

Офицер замолчал.

— И что передали в ответ?

— Что часть систем ещё не выведена в её рабочий доступ из-за военного согласования.

— Этого хватит на короткое время. Не больше.

Он снова посмотрел на схему верхней базы.

Там, наверху, Элара уже двигалась по своему рисунку — быстро, жёстко, с тем редким сочетанием точности и упрямства, которое почти всегда приводит либо к выдающемуся результату, либо к крупному конфликту с системой.

В её случае, скорее всего, и к тому, и к другому.

— Усиьте маскировку энергопрофиля, — сказал он. — Перераспределение на нижние узлы заведите через ложный

резерв климатического контура. Пусть для верхнего пакета это выглядит как избыточная стабилизация среды под проект популяции.

— Если она начнёт копать глубже?

— Тогда я сам с ней поговорю.

Офицер кивнул, но не уходил.

Дарион заметил это сразу.

— Что ещё?

— С таким уровнем внимания, — сказал тот осторожнее,
— удерживать разграничение долго будет трудно.

— Я знаю.

— Если она узнает...

— Она не узнает сейчас.

Короткая пауза.

— Это приказ, — добавил Дарион.

— Да, командующий.

Офицер отошёл.

Дарион остался у экрана.

Он не любил формулировку «не узнает». Слишком абсолютная.

Мир редко позволяет хранить абсолютные тайны долго. Всегда остаются следы, и всегда находится кто-то, кто умеет складывать их в рисунок.

Элара, судя по первому дню, относилась именно к таким людям.

Но между «никогда не узнает» и «не должна узнать сей-

час» лежала принципиальная разница.

Ему было нужно время.

Время, чтобы закрепить верхний проект.

Время, чтобы стабилизировать тюрьму.

Время, чтобы понять, насколько глубоко она действительно идёт в своей модели адаптации.

Он двинулся дальше, вглубь сектора удержания.

Здесь коридоры становились уже не просто узкими — в них появлялось то тяжёлое ощущение плотности, которое не создаётся одной архитектурой.

Подавляющее поле нарастало, воздух делался суше, свет — ещё холоднее.

На внутреннем краю сознания всегда возникало лёгкое давление, будто само пространство сопротивляется присутствию.

Для аварийца это было терпимо.

Для неподготовленного человека — почти невыносимо.

Перед последним рубежом камер Дарион остановился.

Здесь уже не было обычных дверей. Только последовательность затворов, которые открывались не навстречу друг другу, а вразбивку, чтобы ни в одной точке не образовался прямой коридор.

Даже свету не давали пройти напрямую.

Каждая секция ломала траекторию предыдущей.

Сама идея линии здесь считалась угрозой.

За последним контуром находились камеры.

Не рядом.

Не друг напротив друга.

Не в зеркальном расположении.

Объекты развели так, чтобы между ними всегда оставалось не только расстояние, но и архитектурный разрыв.

Разные углы.

Разные материалы.

Разные типы поля.

Дарион лично утверждал эту схему для удержания Объектов 01 и 02, когда тюрьму перестраивали под долговременное содержание.

Тогда многие считали, что он перестраховывается.

Сейчас никто уже не спорил.

Первую камеру он просматривать не стал. Достаточно было внешних показателей — Объект 01 подавлен, ритм сбит, попыток прямого прорыва нет.

У второй остановился дольше.

За толщей многослойной преграды почти ничего не было видно — только тёмный, тяжёлый силуэт, слишком неподвижный для живого существа и слишком осязаемый для простой массы тела.

На экране состояния рядом шли параметры подавления: температура, амплитуда биополя, отклик решётки, глубина торможения, уровень нейроизоляции.

Всё в норме.

Но норма в этой тюрьме никогда не означала безопас-

ность.

Лишь отсрочку.

Дарион смотрел на силуэт в глубине камеры и думал о том, что именно здесь, возможно, и началась другая версия истории Авариса.

Не та, что шла по официальным сводкам.

Та, где решения принимались не на три ближайших цикла и не на один сектор войны. Та, где однажды придётся выбирать между сохранением существующего порядка и новой формой защиты от него.

Титаны замерли, потому что у Авариса был их наследственный нерв.

Но нельзя вечно держать мир на захваченной крови.

Рано или поздно рычаг или сломается, или потребует новой цены.

Проект Элары был первой вещью за долгие годы, которая позволяла думать дальше этого тупика.

Не как о новой уловке.

Как о подлинном изменении баланса.

Именно поэтому она становилась важна не только как научный руководитель.

Не только как человек, которому поручили сложную задачу на удалённой планете.

Дарион начал смотреть на неё иначе уже в тот момент, когда понял: если эта система заработает так, как она задумала, Аварис получит не просто новую оборону.

Он получит возможность перестать отвечать на каждую новую войну старыми средствами.

В этом была сила.

В этом же — опасность.

Дарион развернулся и пошёл обратно к центральному узлу.

Наверху Элара сейчас, вероятно, перестраивала что-нибудь ещё, уже раздражая половину местного контура и вынуждая вторую половину работать быстрее, чем та привыкла.

Он почти видел это без прямого доступа: короткие вопросы, точные замечания, отказ принимать расплывчатые ответы, та почти бесстрастная жёсткость, которая появляется не у властолюбцев, а у тех, кто слишком ясно видит форму задачи, чтобы терпеть чужую небрежность.

Он поймал себя на мысли, что хочет снова с ней говорить.

Не потому, что она удобна.

И не потому, что ею можно легко управлять — наоборот, управлять ею будет почти невозможно.

Потому что она была одной из немногих фигур, рядом с которыми мир переставал казаться собранием временных мер.

С ней можно было думать на дальнюю дистанцию.

Это значило больше, чем большинство понимало.

Лифт поднял его обратно к верхним уровням.

Когда двери раскрылись, воздух показался почти тёплым. Шире стали коридоры. Мягче — свет.

Здесь снова существовала жизнь, движение, речь, проектирование будущего.

Но Дарион знал, что разница между верхом и низом на этой базе не сводится к архитектуре.

Наверху создавали то, что должно однажды защитить Аварис.

Внизу удерживали то, что однажды могло снова уничтожить его, если хоть одна ошибка окажется достаточно большой.

И между этими двумя уровнями теперь стояла Элара.

Пока ещё не зная этого.

Пока ещё считая, что под её проектом скрыта лишь очередная военная тайна.

Пока ещё не понимая, насколько плотно её будущее уже переплетено с тем, что лежит под основанием базы.

Дарион вышел в центральный переход и остановился у обзорного стекла, за которым вдалеке виднелась земная ночь.

Чёрная.

Тихая.

Почти пустая.

Идеальный мир для того, чтобы прятать в нём сразу две вещи: пленённое прошлое и ещё не рождённое будущее.

На внутреннем канале мигнул запрос верхнего административного контура.

Элара снова требовала доступ к перераспределению энергии.

Он посмотрел на метку несколько секунд, потом отключил уведомление.

Не сейчас.

Ещё нет.

Но впервые с момента прибытия на Землю он подумал не о том, как долго удастся скрывать от неё нижние уровни.

А о другом.

Что произойдёт, когда скрывать это станет уже невозможно.

Глава 3. Первое столкновение.

К утру Земля выглядела иначе.

Ночью база казалась вырезанной из тьмы — чужой, временной, почти не имеющей права на постоянство.

Днём она становилась частью пейзажа.

Скальные уступы, холодный воздух, редкий свет над дальними хребтами, тусклый блеск защитных куполов и транспортных линий, врезаемых в камень с расчётом не на красоту, а на выживание.

Всё здесь ещё только складывалось в систему, и именно поэтому Эларе это место начинало нравиться.

Незавершённое всегда честнее завершённого.

В незавершённом сразу видно, где конструкция держится на необходимости, а где — на привычке.

Она стояла над главным проектным столом центрального ядра и смотрела, как поверх ночных расчётов разворачиваются обновлённые схемы.

За несколько часов ей успели прислать столько уточнений, переносов и «временных ограничений», что на месте менее упрямого руководителя уже началась бы административная усталость.

На Элору это действовало иначе.

Чем больше ей пытались объяснить, что что-то пока невозможно, тем яснее она понимала, с какой именно точки

начинать давление.

— Если мы оставим контур в этой конфигурации, — сказал Лиор, выводя на голографический слой очередную развёртку, — обучение ядра будет стабильнее, но медленнее.

— Медленнее не значит лучше, — ответила Элара, не поднимая глаз. — Медленнее значит, что при первом нестандартном каскаде оно начнёт воспроизводить вчерашние решения.

— Зато не уйдёт в непредсказуемость.

Теперь она всё-таки посмотрела на него.

— Если система не умеет быть непредсказуемой для противника, она бесполезна.

В зале на короткое мгновение стало тише.

Даже те, кто напрямую не участвовал в разговоре, научились улавливать этот момент: Элара не повышала голос, не говорила резко и не пыталась давить интонацией.

Но когда она произносила такие вещи, становилось ясно, что для неё спор давно не про предпочтения и не про рабочие стили.

Для неё это был вопрос природы будущей войны.

— Я не оспариваю принцип, — осторожно сказал Лиор.

— Я говорю о степени свободы на начальном этапе.

— А я говорю о том, что начальный этап и определяет всё остальное. Если мы с самого основания запугаем ядро жёсткими ограничениями, оно вырастет не в адаптивную систему, а в ещё одну послушную машину, которая красиво счи-

тает путь к собственному опозданию.

Лиор опустил взгляд к схеме.

Он был не глуп.

В этом и заключалась сложность.

Возражали ей здесь не те, кто не понимал предмета, а те, кто слишком долго работал в системе, где всякая самостоятельность технологии воспринималась как почти личное оскорбление командной вертикали.

Элара собиралась ответить ещё что-то, когда у входа в зал послышались шаги.

Она узнала их раньше, чем обернулась.

Не по звуку как таковому — по тому, как изменилось внимание вокруг.

Пространство иногда само выдавало тех, чьё присутствие влияло на других быстрее слов.

Дарион вошёл без сопровождения.

Ему не нужно было объявлять себя и не нужно было подчёркивать, что он здесь не как наблюдатель. Это читалось и без того — в том, как быстро затихали второстепенные разговоры, как даже те, кто не любил военный контур, произвольно проверяли собственную собранность.

Эларе это не понравилось.

И одновременно — слишком ясно бросилось в глаза.

— Надеюсь, — сказала она, не скрывая холодной вежливости, — вы пришли не затем, чтобы снова объяснить мне, чего я не должна знать.

Дарион остановился на другой стороне проектного стола.

— Нет. Сегодня я пришёл посмотреть, что именно вы собираетесь изменить прежде, чем база успеет привыкнуть к вашему присутствию.

Лёгкий смешок прокатился по дальнему краю зала и тут же исчез.

Элара не улыбнулась.

— В таком случае вам повезло. Вы застали только начало.

Дарион перевёл взгляд на схему.

Несколько секунд он молчал, вчитываясь в развёрнутые поверх друг друга слои — климатическая матрица, поведенческий контур, распределение вычислительных узлов, ранняя архитектура оборонного ядра.

— Вы убрали два ограничителя, — сказал он.

— Три.

— Третий пока только на переносе.

— Значит, я уберу его через десять минут.

Лиор опустил глаза ещё ниже.

Для него это был уже не рабочий разговор.

Для него это был момент, когда два человека слишком быстро начинают говорить на уровне, где остальным остаётся только не мешать.

Дарион поднял взгляд на Элару.

— Вы уверены, что ядро не уйдёт в избыточную самоорганизацию?

— Вы задаёте этот вопрос как военный, которому нужен

послушный инструмент, или как тот, кто действительно понимал, что я строю?

Это был прямой удар.

Лиор едва заметно напрягся.

Дарион же не изменился в лице.

— Я задаю его как тот, — сказал он, — кто не любит системы, начинающие считать себя умнее тех, кто их запустил.

— Тогда вы не любите почти всё по-настоящему сложное.

Некоторые в зале совсем перестали делать вид, будто заняты своей работой.

Элара видела это, но не останавливалась.

В присутствии Дариона ей становилось труднее терпеть половинчатые формулировки. Он слишком быстро переходил к сути, а значит, и ей не хотелось тратить силы на то, что сутью не являлось.

— Вы хотите получить преимущество перед титанами, — сказала она. — Но продолжаете мыслить так, будто преимущество обязано сохранять удобную вам форму подчинения. Так не бывает.

— А как бывает?

— Либо вы создаёте систему, которая учится быстрее противника, либо в очередной раз строите красивую оборону для прошлой войны.

Дарион провёл пальцами по краю проекционного поля, вызывая дополнительный слой расчётов.

— Слишком свободная система тоже может стать угрозой.

— Только для тех, кто привык путать контроль с пониманием.

Это прозвучало резче, чем она планировала.

Не потому, что он задел её.

Скорее потому, что рядом с ним в словах становилось меньше фильтра, чем следовало бы.

Он не раздражал её в обычном смысле.

Обычное раздражение проще: оно отталкивает, делает собеседника менее значимым, сводит всё к желанию закончить разговор.

С Дарионом происходило обратное.

Чем точнее он попадал в слабые места её аргументации, тем меньше хотелось прерывать спор.

И это было опасно уже само по себе.

Дарион чуть склонил голову.

— Вы считаете, я не понимаю разницы?

— Я считаю, что вы понимаете её слишком хорошо, чтобы задавать мне такие вопросы всерьёз.

На этот раз он всё-таки усмехнулся.

Очень слабо.

Но Элара заметила.

— Тогда зачем, по-вашему, я их задаю?

— Потому что хотите понять, где именно система перестанет быть оружием в привычном смысле и начнёт становиться чем-то большим.

Молчание длилось всего несколько секунд, но за это вре-

мя Лиор успел едва заметно перевести взгляд с одного на другого.

Он тоже понял, что спор уже давно идёт не только о схеме. Дарион посмотрел на Элару внимательнее.

— И где же этот рубеж?

Она ответила без паузы:

— Там, где командование перестаёт думать, что основная ценность системы в её послушании.

— А в чём тогда?

— В способности сохранить мир живым, даже если при этом ей придётся нарушить чьи-то ожидания о порядке.

Он молчал.

Элара вдруг слишком ясно поняла, что остальные в зале уже исчезли для неё как значимые фигуры.

Они остались в пространстве, но напряжение разговора сжалось до узкого контура между нею и Дарионом, словно всё остальное временно отступило.

Это ей не понравилось ещё больше.

Потому что в таком сжатии всегда рождается не только конфликт.

Иногда — интерес.

— Всем выйти, — сказал Дарион, не повышая голоса.

Лиор поднял глаза.

— Командующий?..

— Я сказал — выйти.

Возражать никто не стал.

Через несколько секунд в зале остались только они двое.

Прозрачный купол над центральным ядром пропускал дневной свет, и в этом свете проектные схемы между ними казались почти живыми — как набор ещё не принятых решений, которым только предстоит обрести форму.

Элара сложила руки на груди.

— Надеюсь, вы не собираетесь использовать свой ранг, чтобы замедлить работу.

— Если бы я хотел её замедлить, — сказал Дарион, — я бы не дал вам снять первые ограничители ещё до своего прихода.

Элара на секунду замерла.

— Это были ваши указания?

— Частично.

— Тогда вы странно выбираете момент, чтобы спорить.

— Я не спору с целью остановить вас.

— Тогда с какой?

Он подошёл к столу с другой стороны. Не слишком близко. Но достаточно, чтобы сама дистанция начала ощущаться.

— Я хочу понять, насколько далеко вы действительно готовы зайти, если увидите, что старая логика обороны мешает системе стать тем, чем она должна стать.

Элара смотрела на него прямо.

— Дальше, чем понравится большинству ваших коллег.

— Я это уже заметил.

— Тогда зачем проверяете?

— Потому что есть разница между теорией и человеком, который будет воплощать её здесь.

Это был честный ответ.

И, возможно, именно поэтому он задел сильнее остальных.

Элара привыкла, что её оценивают по результатам, допускам, научной репутации и способности вытянуть проект, который многие считают слишком рискованным.

Но в словах Дариона слышалось другое.

Он не просто проверял компетентность.

Он пытался понять предел самой её воли.

И она неожиданно поймала себя на том, что ей важно, заметит ли он этот предел правильно.

— Вы боитесь, что я зайду слишком далеко? — спросила она.

— Нет.

— Тогда чего?

— Что вы зайдёте ровно туда, куда нужно, — сказал он.

— А все остальные поймут это слишком поздно.

Элара несколько секунд молчала.

Подобные вещи не говорят просто так. Особенно люди вроде Дариона, привыкшие считать слова так же точно, как военные считают ресурс.

— Это должно было прозвучать как предупреждение? — спросила она.

— Скорее как оценка риска.

— Моего?

— Общего.

Она отвела взгляд к схеме.

Оборонное ядро светилось мягкими линиями — ещё не живое, ещё не запущенное, но уже достаточно сложное, чтобы в нём угадывался характер будущего.

Элара слишком хорошо знала этот момент: когда идея только начинает обретать форму, её проще всего задушить под видом разумной осторожности.

— Вы хотите знать, что я сделаю, если система начнёт выходить за пределы привычного контроля? — сказала она, не поднимая глаз. — Я не стану резать ей возможности только потому, что кому-то наверху станет неудобно.

— Даже если этот кто-то будет прав в своём страхе?

— Страх редко бывает хорошим инженером.

— Но иногда неплохим стратегом.

Она повернулась к нему.

— Вот поэтому вы и нужны своей войне. А я нужна своей системе.

Он посмотрел на неё спокойно.

— Вы говорите так, будто это разные вещи.

— А разве нет?

Теперь Дарион ответил не сразу.

И именно эта пауза сказала Эларе больше, чем любой быстрый ответ.

Потому что он действительно думал над её словами. Не

защищался. Не искал удобную реплику.

Думал.

— Сейчас, — сказал он наконец, — возможно, да.

— А потом?

— Потом зависит от того, что именно вы создадите.

И снова — честно.

Слишком честно для человека, который почти всё остальное время говорил слоями.

Это вызывало в ней странное двойственное ощущение.

Раздражение никуда не исчезало. Её по-прежнему бесило, что он скрывает нижние уровни, что держит при себе больше информации, чем отдаёт, что уже сейчас пытается встроить её проект в общие военные расчёты.

И всё же рядом с ним она чувствовала то, чего давно не испытывала рядом с другими.

Соппротивление, которое не хочется убирать.

Интерес, которому мешает осторожность.

И что-то ещё, пока слишком тонкое, чтобы называть.

Дарион сделал ещё один шаг к столу, и теперь проектная схема ложилась светом на его лицо, руки и ворот тёмной формы.

— Покажите, — сказал он.

— Что именно?

— Точку, в которой ограничители перестают быть страховкой и начинают мешать.

Элара смотрела на него секунду, потом провела рукой по

проекции.

Линии сместились. Вспыхнули новые слои: прогнозы каскадной адаптации, распределение автономных узлов, динамика принятия решений в условиях изменяющейся среды.

— Здесь, — сказала она. — И здесь. А вот это вообще нужно убирать.

— Почему?

— Потому что этот контур предполагает, что среда всегда вторична по отношению к системе. А это ошибка.

— Среда должна подстраиваться под задачу.

— Нет. Система должна учиться у среды быстрее, чем противник успеет превратить её в своё оружие.

Дарион смотрел на схему, потом на неё, потом снова на схему.

Элара объясняла дальше — быстро, точно, уже почти забыв, что минуту назад собиралась только спорить.

Она говорила о поведении распределённых дроидных групп, о том, почему жёсткая иерархия мешает реальному отклику, почему отдельные узлы должны иметь право на локальное переобучение, как изменения среды могут становиться не помехой, а активным участником обороны.

И в какой-то момент поняла, что Дарион не просто слушает.

Он действительно следует за её мыслью.

Не как чиновник, пытающийся не упустить ключевые слова.

Не как военный, оценивающий полезность технологии.

Почти на равных.

Это было так редко, что на короткое мгновение выбило её из привычного ритма.

Она замолчала.

— Продолжайте, — сказал он.

— Вы и так поняли.

— Хочу убедиться, что правильно.

Это была уже не проверка.

Или не только проверка.

Между ними что-то сдвинулось — очень мало, почти незаметно, но достаточно, чтобы сам воздух изменил плотность.

Элара слишком поздно осознала, насколько близко они стоят над одним и тем же проектным полем.

Не касаясь друг друга.

Даже не пытаясь.

Но в этой близости было что-то большее, чем просто рабочая дистанция.

И именно поэтому она чуть отступила.

Совсем немного.

Дарион заметил это. Она поняла по одному только движению его взгляда.

— Я продолжу, — сказала Элара уже холоднее, — когда получу полный доступ к энергетике базы.

Он мог бы уйти в привычную уклончивость.

Мог сказать, что вопрос на согласовании. Что есть ограничения. Что часть инфраструктуры не относится к её направлению.

Но вместо этого он посмотрел ей прямо в глаза и произнёс:

— Нет.

Одно короткое слово.

Настоящее столкновение начинается не там, где спорят о модели, а там, где кто-то впервые отказывает без обходных формул.

Элара выпрямилась.

— Нет — это временно или окончательно?

— Это значит, что сейчас вы его не получите.

— Потому что не доверяете мне?

— Потому что есть контуры, которые не могут пересекаться.

— Любопытно, — сказала она, — как часто у вас слово «не могут» означает «я решил, что не должны».

— А у вас, — спокойно ответил он, — слово «должны» слишком быстро становится заменой любого ограничения.

— Ограничения бывают двух видов. Те, что защищают систему. И те, что защищают чью-то власть над ней.

Теперь его взгляд изменился едва заметно.

Словно она попала точно туда, куда не следовало — или, наоборот, куда давно нужно было попасть.

— Осторожнее, Элара.

Он впервые назвал её по имени так прямо.

Без официальной ровности.

Без дистанции.

Просто по имени.

И именно это неожиданно оказалось сильнее любых слов до этого.

Она тоже заметила. И, похоже, он понял, что заметила.

Тишина между ними сделалась острее.

— Я осторожна ровно настолько, насколько это полезно проекту, — сказала она тише.

— Иногда этого недостаточно.

— Для кого? Для меня или для вас?

Дарион ответил не сразу.

— Для всех, кто окажется рядом, если вы действительно создадите то, о чём говорите.

Элара смотрела на него и чувствовала почти досаду от того, что не может свести всё к обычному раздражению.

Было бы легче, будь он просто ещё одним военным, который боится выйти за пределы знакомой схемы.

Было бы проще, будь он просто властным, опасным, умным и чужим.

Но он не помещался в эту простую форму.

Он действительно понимал масштаб.

И именно это делало его опаснее остальных.

— Тогда у нас проблема, — сказала она.

— Какая?

— Вы мне мешаете.

— А вы, — ответил Дарион, — уже начинаете менять саму задачу.

Она почти улыбнулась.

Почти.

— Возможно, задача изначально была поставлена слишком мелко.

Теперь усмехнулся он.

И в этой короткой, почти исчезающей усмешке было нечто такое, от чего Элара вдруг почувствовала совсем не то, что должна была чувствовать в разгар конфликта.

Не смягчение.

Не доверие.

Но резкую, ненужную внимательность к нему самому.

Она тут же отрезала это внутри.

Непозволительно.

Особенно здесь.

Особенно сейчас.

Дарион выпрямился.

— Хорошо. Ограничители по верхнему контуру вы снимаете, — сказал он. — Но только те, что касаются обучения ядра. Без выхода в нижние энергослои.

— Вы торгуетесь?

— Я обеспечиваю вам пространство для работы.

— Частичное.

— Пока — да.

Элара смотрела на него ещё секунду, потом кивнула.

Не потому, что была довольна.

Потому что поняла: большего сейчас не получит, а время тратить на бесплодное давление бессмысленно.

Но уступка осталась только внешней.

Внутри она уже знала, что не остановится.

Он тоже, кажется, это понял.

— Лиор вернётся через минуту, — сказал Дарион. — И будет считать, что этот разговор закончился лучше, чем ожидал.

— А вы?

— А я считаю, что он только начался.

После этих слов он развернулся к выходу.

У самой двери остановился, как вчера вечером, но на этот раз не оглянулся сразу.

— И ещё одно, — сказал он. — Не пытайтесь спускаться туда, куда вам пока закрыли доступ.

Элара медленно подняла голову.

— Это совет?

— Нет.

— Тогда что?

Он всё-таки повернулся.

— Предупреждение.

Она выдержала его взгляд.

— Плохой выбор слова для человека, который хочет, чтобы я не заинтересовалась ещё сильнее.

На этот раз улыбка в его лице была почти незаметной, но совершенно явной.

— Знаю.

Дверь закрылась за ним.

Элара осталась одна среди светящихся проектных слоёв.

Несколько секунд она стояла неподвижно, потом резко выдохнула и провела рукой по лицу, будто физически убирая остаточное напряжение разговора.

Это было хуже, чем обычный конфликт.

Хуже — потому что продуктивнее.

Она получила часть того, что хотела. Увидела, где именно Дарион начнёт давить, а где, наоборот, даст пространство. Поняла, что он не просто ещё один представитель военного контура, приставленный контролировать неудобный проект.

Он думал слишком далеко.

И, что было ещё неприятнее, действительно мог следовать за её мыслью.

Элара посмотрела на схему ядра.

Световые линии дрогнули под её рукой, перестраиваясь под новые параметры.

Обучение.

Адаптация.

Среда.

Контур свободы, который она только что вырвала у системы через спор.

Всё это было понятным.

Непонятым оставалось другое.

Почему после этого разговора ей труднее думать о Дарине только как о препятствии.

Она резко активировала рабочий слой.

Проекция вспыхнула ярче, возвращая её к задаче.

Да.

Так лучше.

Пусть всё останется в ясных формах.

Он — риск.

Она — работа.

Между ними — конфликт.

Этого должно было хватить.

Но где-то под этой ясностью уже возникло то тонкое, почти невидимое смещение, которое позже меняет слишком многое: желание снова столкнуться мыслью с тем, кто способен выдержать удар и ответить своим.

Иногда притяжение начинается не с близости.

С сопротивления, от которого не хочется отступать.

Глава 4. Сбой в глубине

Сигнал пришёл в тот час, когда верхние уровни уже переходили в ночной режим.

На Земле ночь ощущалась иначе, чем на Аварисе. Там тьма давно была приручена — встроена в ритм городов, размечена огнями, прозрачными трассами и дальними орбитальными кольцами.

Здесь она оставалась самостоятельной силой.

Лежала за пределами куполов, за стеклом обзорных отсеков, в камне, горах и пустых промежутках между редкими проектными огнями.

Даже база со всей своей инженерной уверенностью не отменяла эту тьму.

Только временно отталкивала её.

Дарион ещё не спал.

На его столе горели три развёрнутых массива: отчёты по проекту Элары, сводка по перераспределению ресурсов и свежие пакеты связи с Авариса.

Он как раз перечитывал сухую, предсказуемо осторожную формулировку одного из военных контуров — о необходимости «сохранить управляемость перспективных адаптивных систем на стадии первичного развёртывания», — когда во внутреннем канале вспыхнула метка нижних уровней.

Не общий сигнал.

Приоритетный.

Он принял вызов сразу.

Лицо начальника ночной смены возникло без задержки.

Это уже было плохим знаком.

Внизу не любили визуальные вызовы, если вопрос можно было свести к строке доклада. Значит, сейчас это было невозможно.

— Говорите.

— Седьмой узел подавления дал провал по амплитуде, — сказал офицер. — Краткий. Восстановили за восемнадцать секунд. Но в момент провала Объект 02 вышел за пределы обычного коридора.

Дарион поднялся.

— Насколько?

— На двадцать три процента выше допустимого пика. Был вторичный отклик по несущей.

— От Объекта 02 к Объекту 01?

— Да. Попытка резонансной синхронизации. Неполная.

Это было хуже обычного всплеска.

— Я спускаюсь.

Он отключил канал.

За годы после доставки пленников тюрьма пережила свои разного уровня: падение локальных решёток, перегрузку охлаждения, ошибки персонала. В первые месяцы, ещё до полной перестройки комплекса, произошли и две попытки физического прорыва.

Но резонансная синхронизация такой мощности случалась редко.

Слишком редко, чтобы списать её на случайную активность подавленного объекта.

Дарион уже шёл к выходу, когда его взгляд зацепился за один из открытых файлов Элара.

**ПЕРЕСТРОЙКА ОБУЧАЮЩЕГО ЯДРА.
НОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ЛОКАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ.**

ОТКАЗ ОТ ЧАСТИ ЖЁСТКИХ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ.

Он остановился лишь на секунду.

Ненужная мысль пришла слишком быстро: Элара не стала бы терпеть восемнадцать секунд слепоты в системе, от которой зависело удержание угрозы такого масштаба.

Дарион раздражённо закрыл файл.

Сравнивать эти системы не имело смысла.

Её проект и тюрьма пока существовали в разных логиках.

Именно так и должно было оставаться.

Пока.

На нижних уровнях воздух всегда казался суше, чем показывали реальные показатели.

Это не было прямым эффектом фильтрации. Скорее следствием самого места.

Здесь не существовало ничего мягкого — ни света, ни зву-

ка, ни геометрии коридоров. Всё подчинялось одной задаче: лишить заключённых любого естественного моста к внешнему миру.

Сегодня к привычной сухости прибавилось напряжение. Дарион почувствовал его ещё до центрального узла подавления.

Не панику — здесь слишком хорошо знали её цену.

Скорее повышенную точность движений, которая появляется у людей, понимающих: один короткий сбой уже произошёл, и теперь система может либо поглотить его, либо показать, что он был только началом.

Начальник смены ждал у главного экрана.

— Доклад по секундам.

Офицер тут же вывел запись.

На схеме тюрьмы тонкие линии подавляющих контуров шли ровно до отметки сбоя. Затем седьмой узел кратко погас, соседние решётки попытались перекрыть провал, и в этот момент из второй камеры ударил биосигнатурный всплеск — тяжёлый, неровный, слишком мощный даже в подавленном состоянии.

Почти сразу пришёл отклик из первой.

Не полноценный канал.

Не связная передача.

Но достаточно, чтобы обе линии на мгновение начали искать общий ритм.

— Почему провалился седьмой? — спросил Дарион.

— Перегрузка на нижнем стабилизаторе. По предварительной картине — не механическая неисправность.

— Что тогда?

Офицер на долю секунды замялся.

— Похоже на внутреннее давление по частоте. Как будто объект подстроился под решётку быстрее, чем она успела сместиться.

Дарион промолчал.

Это и было самым опасным в длительном удержании таких существ: тюрьма не оставалась статичной.

Каждый день она подавляла, дробила, смещала и ломала их природный резонанс. Но и они, даже в полубессознательном состоянии, учились.

Не через память в привычном смысле.

Глубже.

Сама структура их присутствия начинала искать закономерность в том, что должно было оставаться хаосом.

Если объект действительно начал угадывать рисунок решётки, значит, старый запас надёжности начал истончаться.

— Объект 02 в сознании?

— Не полностью. Но активность выше обычного уровня. Есть признаки пробуждения.

Слова прозвучали тихо, и всё же в отсеке словно стало холоднее.

Пробуждение.

Не полное возвращение силы. Не готовность к прорыву.

Но переходный порог, за которым титан переставал быть просто тяжёлым, опасным присутствием и снова становился волей.

— Визуал.

На отдельном экране медленно развернулась картинка из второй камеры.

Сначала — только многослойная тьма, исполосованная полями подавления.

Потом в глубине проступил силуэт.

Огромный, неподвижный, почти слившийся с самой темнотой камеры.

Но неподвижность была уже не прежней.

В ней появилось что-то собранное, словно внутри этой массы вновь начала выстраиваться форма намерения.

— Он открыл глаза? — спросил Дарион.

— На три секунды. Потом снова ушёл в полуотключение.

— Повторялось?

— Пока нет.

Дарион приблизил изображение.

Даже сквозь толщу экранов и искажения подавляющего поля он чувствовал давление этого присутствия.

Не силу тела.

Силу существа, которое само считало себя центром удара.

Сыновья владыки были опасны не только своим происхождением. В них изначально закладывали иную плотность воли. Они не вели массу титанов за собой в обычном смысле

— сами становились для неё точкой стягивания.

Если один из них начал просыпаться по-настоящему, время тюрьмы переставало быть бесконечным.

— Усилить смещение частот, — сказал Дарион. — По всем вторичным контурам. Седьмой узел вывести в ложный цикл. Пусть объект решит, что понял закономерность, и упрётся в пустоту. Параллельно поднять охлаждение на два уровня ниже стандартного.

— Это увеличит расход.

— Мне не нужен экономичный узел. Мне нужен живой пленник, который не может собрать себя в присутствие.

Офицер уже передавал распоряжения вниз по линии.

Дарион не отходил от экрана.

Вторая камера.

Вторая линия.

Второй наследник.

Именно его всегда считали более тяжёлым, менее тонким и более зависимым от прямого давления.

Старший был быстрее, опаснее в моменте и резче в ответах.

Младший — устойчивее.

Если пробуждаться начал именно он, процесс шёл глубже, чем хотелось бы верить.

— Попытки связи наружу? — спросил Дарион.

— Прямых нет.

— Непрямых?

Офицер кивнул на соседний массив.

— Был слабый выброс в несущую. Не адресный сигнал. Скорее... зов.

Это слово никому не понравилось.

Дарион заметил это по лицам смены.

И всё же оно было точным.

Не сообщение.

Не передача данных.

Не код.

Зов.

Титанический организм такого уровня не обязательно обращался к кому-то в привычном смысле. Иногда было достаточно самого факта пробуждения. Мир вокруг начинал воспринимать его как давление, как попытку навязать среде собственную форму.

Если где-то в огромной тьме космоса существовал родственный отклик, он мог однажды почувствовать не направление, а саму рану в ткани молчания.

До катастрофы было ещё далеко.

Но происходящее уже слишком приблизилось к тому, о чём нельзя было докладывать наверх в полном объёме.

Дарион вышел из центрального узла в боковой отсек связи и закрыл за собой дверь.

Здесь стояла отдельная консоль для прямых отчётов на Аварис — без прохождения через основную систему базы.

Свет был ещё холоднее и тише, чем в рабочих секторах. Казалось, сама комната существовала для одного-единственного действия: решить, какую правду получит верхний контур.

На панели уже висела подготовленная форма срочного сообщения в Совет.

Протокол требовал немедленного уведомления о любом нестандартном отклонении по объектам такого класса.

Формально сомнений не было.

Дарион должен был отправить полный пакет:

провал узла;

всплеск биосигнатуры;

признаки пробуждения;

попытку резонансной синхронизации;

след непрямого выброса.

Он смотрел на форму и ничего не вводил.

Если Совет узнает всё сейчас, ответ будет предсказуемым.

Инспекция.

Комиссии.

Рост внешнего присутствия.

Попытка перераспределить управление между военными и гражданскими блоками.

Паника, замаскированная под осторожность.

Они начнут лечить не сбой, а собственный страх перед ним.

Ещё хуже — Совет мог приостановить проект Элары.

Он и без того опасался системы с таким уровнем автономии. Если станет известно, что под её лабораториями содержатся неизвестные сверхопасные объекты, научное ядро немедленно попытаются ограничить.

Элара потеряет необходимую свободу.

Земля превратится в объект комиссии.

А тюрьма останется без того, кто знал её архитектуру лучше всех.

Дарион вручную ввёл новый пакет:

Краткое отклонение локального контура подавления.

Восстановлено собственными силами.

Признаков устойчивой угрозы нет.

Дополнительная диагностика продолжается.

Сухо.

Достаточно правдиво, чтобы не быть прямой ложью.

И достаточно неполно, чтобы Совет пока не понял масштаб происходящего.

Он задержал палец над подтверждением отправки лишь на секунду.

Потом отправил.

Следом открыл внутренний канал базы и вызвал административный фильтр научного сектора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.